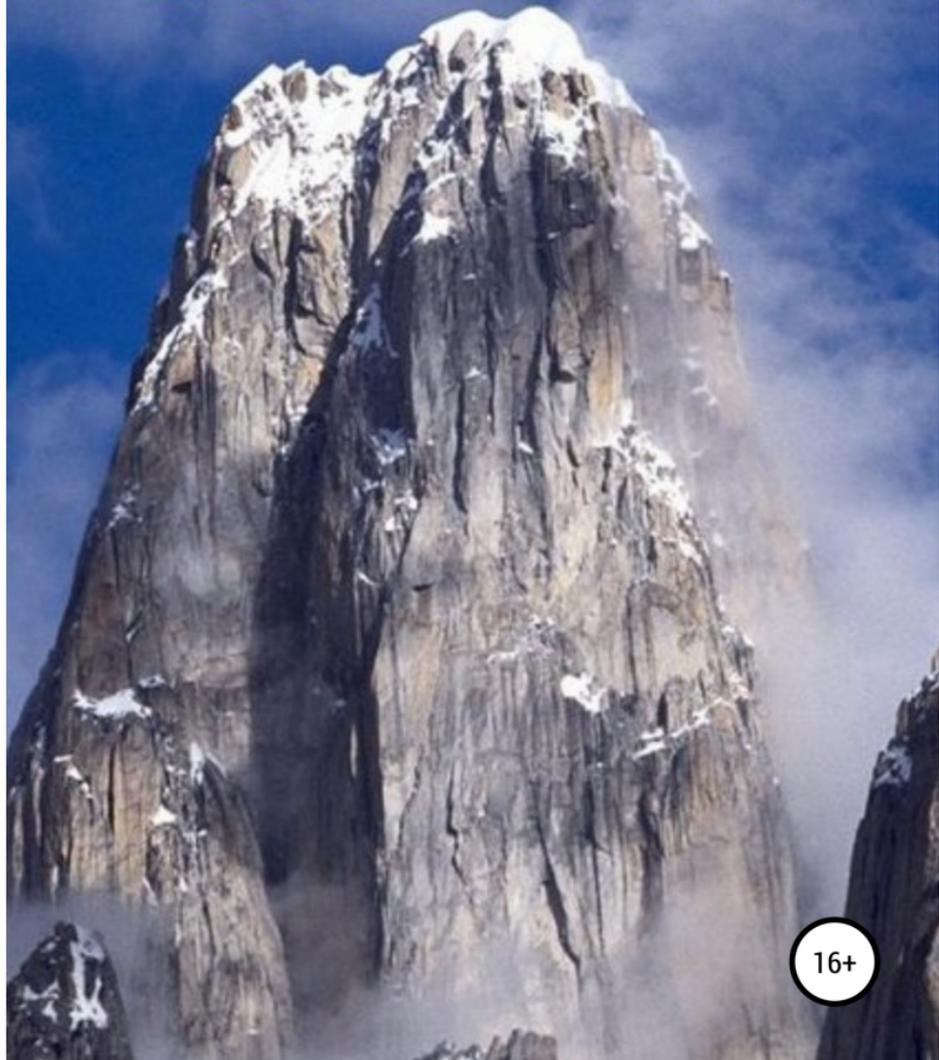

ВЛАДИМИР КУРИН ВЕРШИНА

16+

Владимир Сергеевич Курин

Вершина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67645500

SelfPub; 2022

Аннотация

Подъём по заснеженным скалам – это время между жизнью и смертью. Путь братьев будет не легким.

Владимир Курин

Вершина

Морозным январским утром мы с братом стояли у подножия скалы нашего новогоднего путешествия. Иногда, под плотно облегающую шапку проникало ледяное дыхание ветра, создавая мелодичное посвистывание, от которого по телу бежали мурашки. Под защитные очки с легким затемнением нет-нет да и залетали крошечные снежинки. И в эти моменты они напоминали те самые бумажные украшения на окнах и праздничной елке.

На левом плече позвякивали карабины и оттяжки, на правом кошки, на поясе ледорубы, френды. Перезвон металла вызывал легкую дрожь в теле, туманные воспоминания всей жизни до этого подножия и острый привкус того, что будет после.

Я смотрел брату в спину и пытался угадать его мысли. У близнецов мысли часто сходятся, но я усомнился в схожести наших мыслей касательно подъема когда поравнялся с ним и посмотрел в его голубые глаза. В них было куда больше решительности, чем во мне. Твердый, горящий пламенем взгляд устремлен в каменную стену, вершина которой пряталась в густых, серых облаках. Такой взгляд говорит, что человек уверен в том, что делает и в том, что завершит начатое, чего бы это ни стоило. Он заклинал взглядом каждый

промерзший камушек этой скалы, чтобы тот не откололся под нашими руками и ногами.

Моя дружба со скалами была не столь близка. Наверное, поэтому я стоял и теребил пальцами гладкую веревку, словно наглаживая домашнего питомца, чтобы тот верно и надежно служил на протяжении всего нашего пути. Затем переключился на холодную сталь шипов кошек, моля их о цепкости и остроте, такой же, как у их одноименных животных. Я пробежал пальцами по всему снаряжению, поговорил без слов со всем чьей надежности вверял свою жизнь.

Утреннее солнце выглянуло из-за облаков. Маленькие сугробы снега на отвесных выступах скалы заиграли цветами радуги, камень, кое-где покрытый изморозью, засверкал зайчиками.

Мы уселись на снег, натянули кошки поверх ботинок. Я еще раз пробежал пальцами по острым когтям:

– Не подведите. – прошептал я.

Мы подошли к месту старта. От солнца мелкие снежинки таяли, превращаясь в ручейки, и стекали вниз по шершавым дорожкам каменной стены. Свежий, чистый воздух дурманил и ненадолго закружил голову. Ветер сдувал со скалы песчинки сухого снега.

Я обмотал вокруг кисти правой руки шнур ледоруба, крепко сжал в ладони рукоять и с силой всадил острие в узкую расщелину между камней.

***

Я встал ногами на большой камень и занес левую руку назад, чтобы с размаху вонзить ледоруб в камень. Сделал глубокий вдох и прищурил глаза при мысли, что осколки могут попасть мне в глаза, хоть на мне и были очки, но инстинкт взял свое. Егор схватил меня за руку. Его хватка сегодня была особенно крепкой.

– Артем, не делай петлю на руке, – он кивнул на мою правую руку, – не лишай себя возможности сделать лишнее движение, когда это понадобится.

Я сглотнул, и кажется сделал это слишком громко, судя по взгляду Егора. Его лицо имело четкие контуры. Неужели оно было таким всегда? Я никогда не всматривался, просто знал его лицо и все. Такое ощущение, что его нарисовали грубым карандашом, нарочно обводя несколько раз каждую черточку. Брови с четкой линией, выразительные голубые глаза, острый нос и губы, которые, кажется, не умеют улыбаться.

Я посмотрел на свою правую руку и, немного помедлив, крутанул кистью, чтобы скинуть один оборот лямки.

– А это понадобится? – спросил я по-детски неуверенным голосом.

– Кто знает, но так будет лучше. – буркнул он и отпустил мою левую руку, затем взглянул вверх, в бесконечность, где прятался финиш нашей полосы препятствий. – Вперед! – гаркнул он и быстрыми ловкими движениями вскарабкался на добрых пару метров вверх, – Двигайся за мной, брат!

Между нами почти натянулась веревка длиной не больше двух с половиной метров, чтобы в случае падения одного из нас амплитуда рывка была минимальной. Егору сорваться было куда легче, чем мне, он двигался быстрее и смелее, но нужна ли здесь скорость. А я выступал балластом и грузом. Думаю, без меня он поднялся бы в два, а то и в три раза быстрее.

– Не отставай, – крикнул Егор сверху, когда мы поднялись метров на сто пятьдесят – если не хочешь закончить как он.

– Кто он? – спросил я, но Егор, похоже, не услышал. Я поднял голову вверх и увидел, что он указывает своим ледорубом в сторону.

На метровом выступе, съезжившись, сидел обмороженный человек. Точнее то, что от него осталось. Из трещин на его лице торчали промерзлые обрывки мяса и сухожилий. Лохмотья рваной кожи трепыхались на ветру, как и одежда, полопавшаяся от морозов и ветров.

Я еще крепче сжал в руках ледорубы и как можно ближе прижался к холодному камню, который теперь бил в нос запахом смерти.

Вверху послышался резкий звонкий удар. Я боялся шевельнуться, но все-таки посмотрел на Егора. Он закрепился и теперь спокойно отдыхал.

– Я не дам тебе погибнуть, брат, – сказал он и посмотрел на меня – а ты не дашь погибнуть мне. Мы вместе, в любом случае. Давай поднимайся ко мне, отдохнем.

Он прав. Мы всегда вместе. Во всех случаях. Побеждаем вместе, проигрываем тоже. Летом мы летали на дельтопланах и полотно моего лопнуло. Меня начало швырять из стороны в сторону, вверх и вниз. Я думал это конец. Уже мысленно попрощался с Егором и родителями, но Егор... он подлетел ко мне, зацепил меня крюком, и мы жестко, но все же приземлились. А вот теперь я снова на высоте и мне чертовски страшно, но Егор рядом, и это немного успокаивало.

– Мне страшно, опять страшно! – крикнул я.

Взгляд Егора посуровел. Пар из ноздрей вылетал густыми струями.

– Вдохни! – сказал он, – Вдохни этот скалистый воздух и выбрось из головы дурь. Ты же знаешь – мы должны пройти этот путь! Ничего не случится. Ты мне веришь? Не глупи. Не порть наше путешествие.

Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох. В нос ударили запахи холодного камня и снега, и легкий сосновый запах, который поднимался снизу с места нашего старта. Я открыл глаза и посмотрел вокруг. Облака не так уж высоко, как казались раньше, а внизу бескрайние макушки зимнего леса. Где-то зеленая полоса хвойных, где-то серая линия лиственных, и ничего похожего на кипящую жизнь.

– Пора двигаться дальше, – сухо произнес Егор, схватился одной рукой за ледоруб, другой отстегнулся от крепления в скале и по-паучьи покарабкался вверх, – не расслабляться!

Мне хотелось вниз к земле, к твердой поверхности под

ногами. Хотя что может быть тверже, чем камень. Я – должен быть тверже.

***

Я карабкался двумя метрами ниже брата и чуть правее, чтобы падающие камни из-под его ледоруба и кошек не падали на меня. Веревка между нами не должна быть натянута, но и свободно болтаться тоже не должна. Иначе, она попросту будет мешать и может стать причиной трагедии. Приходилось прилагать не мало усилий, чтобы не догонять Егора, но и не отставать от него.

Мы поднялись еще на добрую сотню метров, прежде чем зафиксировались для отдыха. Заранее мы договорились – отдыхать по десять минут. Я не стал подниматься выше и ровняться с братом, чтобы не тратить время отдыха, да и силы, которых и так ушло очень много.

Ветер стал жестче, то ли погода менялась, то ли из-за высоты. В обоих случаях радости мало. Лучше бы его, ветра, вовсе не было. Но говорят, в горах такое редкость и даже слабый ветер на высоте ощущается куда сильнее, чем внизу. А это походило на правду. Резкость и силу ветра я ощущал каждой порой своего тела.

Пока я отдыхал разминал лицо, имитируя улыбку и жевание, казалось, оно начало обмерзать. Мерзкое ощущение, когда часть тела сильно замерзает, а ты не можешь никак его согреть, потому что руки заняты сохранением жизни.

Прошло минут пять – не больше, а сверху послышался

голос Егора:

– Тём, смотри, – он махнул рукой влево. Я посмотрел.

– Что там?

– Кажется большой выступ, давай доберемся к нему и отдохнем с чаем. Похолодало прилично, нужно хоть немного согреться.

«Господи, чай... горячий чай из термоса» – подумал я и в ту же секунду почувствовал, как рот наполняется слюной.

– Давай, – радостно ответил я и принялся отцепляться от скалы.

Ветер действительно стал суровей, стали продолжительней свисты под шапкой и громче гул в ушах. По пластику очков секли обледенелые снежинки и, казалось, вот-вот начнут высекать искры. Лицо по ощущениям превращалось в яичную скорлупу, которая может лопнуть от неловкого движения.

Карабкаться по скале стало легче. Может сказывалось чувство легкого голода и хотелось скорее немного подкрепиться, а может уже привык. В конце концов человек способен привыкнуть почти ко всему.

Минут за пятнадцать мы преодолели злосчастные двадцать метров или около того. Егор поравнялся с выступом, оперся на него коленом, перевалился и вот уже придерживал веревку, и протягивал мне руку помощи. Солнце поднялось достаточно высоко, но температура снижалась. Пар изо рта больше походил на дым, а пальцы рук подмерзли даже в тер-

моперчатках.

Выступ оказался неким подобием балкона для пещеры, которая уходила вглубь скалы. Высота ее не больше метра, а ширина около полутора. Нам больше и не надо. Насколько глубоко пещера уходила в скалы не было видно, лучи солнца освещали не больше пяти-шести метров – дальше крошечная тьма.

– Что это такое? – дрожащим шепотом произнес я.

– Похоже на пещеру, но маловероятно жилую. – ответил Егор, заползая на коленях внутрь. Я последовал за ним.

Мы залезли на пару метров вглубь, чтобы ветер меньше задувал, позволив нам хоть немного отогреться. Мимо пролетали густые стаи снежинок, некоторые цеплялись за выступ и оставались на нем, образуя сугробики. Егор достал из рюкзака термос. Пещера наполнилась домашней картиной – льющийся чай и облако пара над чашкой.

Чай пили молча. Неожиданно Егор протянул мне свернутый в небольшой квадрат лист бумаги.

– Что это? – спросил я, протягивая руку.

– Записка. Тебе.

Я взял конверт и посмотрел на Егора.

– Спрячь во внутренний карман, потом откроешь. – произнес он, опережая вопросы.

– Когда потом?

– На вершине.

***

Чай оказался безвкусным и не горячим, хоть пар и поднимался над чашкой. Вокруг царил дикий холод. Обледенелые стены пещеры со свисающими сосульками с замерзшими каплями на краях напомнили о маме. О ее слезах.

Ее серо-голубые глаза часто становились покрасневшими от слез. Слишком часто для человека, который называет себя счастливым. Она всегда со слезами вручала нам подарки на день рожденья и Новый год.

Несколько лет тому назад, когда она неожиданно расплакалась, сидя в нашей комнате, и поспешила выйти, мы услышали ее слова:

– Господи, ты слишком жесток. – прошептала она, не успев закрыть за собой дверь.

Мы не понимали о чем она. Спустя время мы спросили ее об этом.

– Мальчишки, неужели вы подумали, что я вас не люблю!? – она улыбнулась, в глазах блеснула влага, – Больше никогда не говорите о таких глупостях, хорошо?

Нам рассказал отец. Он долго противился, твердил, что мама нас очень любит и что те слова никак к нам не относятся. Но однажды он сломался. Это произошло, когда мамы не было дома. Он вошел в нашу комнату и сказал, что расскажет нам историю только в том случае, если мы пообещаем никогда больше не говорить об этом. Мы согласились.

– Ребята, у вас должна была быть старшая сестренка, – произнес он. Мы с Егором переглянулись. Егор побледнел. У

меня пересохло во рту – ваша мама скрывала беременность от родителей. Да и от всех остальных. Поначалу даже от меня. Тогда было стыдно вынашивать ребенка без мужа, да еще и в 17 лет. Мы были студентами. Она на первом курсе, я на втором. Мы думали, что нам делать и как быть, как сказать родителям, как жить дальше. Пока мы думали и решали живот увеличивался и скрывать его становилось все труднее. В итоге мы дотянули с решением до крайности – скрывать уже было невозможно. Я решил бросить учебу и пойти работать, а с мамой решили пожениться. Казалось, решили вопрос. Но что-то случилось в голове вашей мамы и она сделала аборт. Дальше было страшное время. Мы продолжили обучение и жили дальше, вспоминая, но не говоря о том событии. Ваша мама каждый день просила прощения у Бога. Каждый день плакала, кричала и молилась. Потом родились вы и вот теперь вы уже совсем взрослые.

Мама вернулась домой. Отец смахнул рукавом накрапывавшие слезы и шикнул в приложенный к губам указательный палец.

Пар над чашкой уже не поднимался. Я выплеснул чай и вернул чашку Егору. Оглянулся и посмотрел в черноту пещеры; интересно, бывал там кто-нибудь или нет. Может там нетронутое человеком место, а может темнота хранит обледенелые тела и держит в плену заблудившиеся души.

– Пора двигаться дальше, – голос Егора выдернул меня из раздумий.

Мы накинули рюкзаки, проверили снаряжение и вышли на заснеженный выступ. Ветер обнял нас холодными, незримыми руками.

***

Мы рвали воздух ледорубами, как шхуны разрезают гладь океана. Ветер пронзал запястья и лицо холодом. Дышать становилось все тяжелей. Каждый вдох впускал в горло уколы снежинок. Егор позвал меня, чтобы я поравнялся с ним.

– Нужно... уходить... – он говорил прерывисто, делая короткие вдохи.

– Куда уходить? – спросил я.

– За тот... вертикальный выступ.

Я выглянул из-за Егора. В нескольких метрах от нас вверх тянулся выступ, его горбина находилась примерно в метре от основной скалистой стены. Я кивнул Егору в знак согласия.

Мы двинулись по горизонтали. Нам было необходимо скрыться от сильных порывов ветра. Только обморожения нам не хватало. На скале обморожение – смерть. Подтверждение этому мы уже встречали.

Двигались тяжело. Ветер мешал делать сильные, амплитудные размахи, от этого ледорубы пробивали лед не глубоко. Надежности в этом меньше меньшего. Нужно было двигаться быстрее, чтобы лед не успел треснуть и выплюнуть острое ледоруба наружу. Но идти быстрее не получалось. Каждый звук трескающего льда мог стать последним в любой момент.

Наши куртки раздувались, словно паруса, несмотря на затянутую до предела резинку. Расслабься на секунду и рваным парашютом пустишься в штопор.

Наш путь за выступ занял несколько бесконечно долгих минут. Руки дрожали от усталости, легкие отзывались острой болью при каждом вдохе. Выступ ничтожно, но спасительно укрывал от ветра.

– С Новым годом, брат! – сквозь стучащие зубы произнес Егор.

– Ага, и тебя, – я попытался улыбнуться, но почувствовал, как обветренные губы отказываются слушаться, норовя треснуть.

Егор кивнул в мою сторону, но не мне, а куда-то за спину. Я обернулся. Рядом со мной из-под льда торчала макушка крошечной елки. Чудеса!

Я вспомнил день накануне Нового года. В гости приезжала двоюродная сестра Полина – племянница папы. Она навещала нас несколько раз в год, но обязательно на наше с Егором день рождения и перед Новым годом. Она танцевала балет рядом с елкой. Ее белые локоны извивались в воздухе подобно языкам пламени на ветру. Она танцевала под красивую музыку, двигаясь так гибко, словно в ней не было скелета. Каждое движение было легким, как утренняя роса. Вот уж от кого исходило тепло и нежность, так это от Полины.

Вверху, всего в нескольких десятках метров от нас серое облако поедало скалу, медленно скрывая ее в своих недрах.

Сердцебиение ускорилось. Волнение подкатывало к кадыку не от облака, сожравшего вершину, а от высоты, на которой мы находились.

– Метров семьсот от подножия, – словно прочитав мои мысли, произнес Егор.

Я приложил усилие, чтобы сглотнуть застрявший в горле ком.

– Осталось немного, братишка! – с безумием в глазах выкрикнул Егор, – Вперед!

Осколки льда разлетались в стороны, ударяли в лицо, стучали незваными гостями в очки. Острые зубья кошек вгрызались в ледяную твердь. Тяжелое, хриплое дыхание сопровождало каждое движение.

Ветер отогнал облако в сторону, будто отворяя вход. Но вместо входа там открывался ужас, который я никак не ожидал увидеть.

***

Вершина расходилась в стороны и напоминала закатанную манжету на каменном рукаве.

Слой льда на камне становился толще с каждым метром, приближавшим нас к вершине.

Взбираться вверх под углом в 45 градусов спиной к земле оказалось тем еще испытанием. Опирались ногами почти невозможно. Вся нагрузка ложилась на руки, которые все время согнуты в локтях, кроме тех коротких моментов во время замаха. Иногда лицо засыпал рыхлый снег, который

летел то от ледорубов, то от рвущего пространство ветра.

Мы шли параллельно – Егор слева, я справа. Между нами два с половиной метра почти натянутой веревки. За спиной без малого километр пустоты.

На выходе в вертикальное положение я мысленно поблагодарил Бога, что диагональный путь почти пройден. Осталось совсем немного. Я закрыл глаза и выдохнул, приготовившись вырвать ледоруб из ледяного плена и направить снова в плен на несколько сантиметров выше.

Меня что-то сильно дернуло вниз. Руки против воли почти разогнулись. Я вздрогнул и быстро бросил взгляд на брата. Его не было. Посмотрел вниз. Егор висел в воздухе, беззвучно зевая ртом. Мозг осознал через мгновение и слух вернулся. Егор кричал. Не произносил ни слова – просто кричал. И вопль его был неразборчив; то ли страх, то ли восхищение.

Думать надо было быстро, а действовать еще быстрее. Каждая секунда на счету.

Я напрягся изо всех сил и освободил левую руку, переложив всю нагрузку на правую. Стянул зубами перчатку и выплюнул, просунул руку в лямку ледоруба, два оборота кистью – две петли на запястье. Перевел дыхание. Прodelал тоже самое с правой рукой. Прорезиненные пупырчатые рукоятки неплохо цеплялись к перчаткам, но не когда двойная нагрузка. Мысли путались, кружились вокруг, но отказывались складываться во что-то разумное. Сердце затарахтело

быстрее клапанов в двигателе спортивной машины.

Пару тройку метров и Егор сможет зацепиться за поверхность. Нужно продержаться. Руки в миг покраснели. Их обжигал лютый ветер. Пальцы немели.

Перед глазами всплыли фильмы, где потерявший контроль над скалой альпинист обрезал веревку и падал навстречу смерти, жертвуя собой для спасения группы. Но это фильмы. Егор ни за что не обрежет веревку, потому что знает – его жизнь в моих руках – моя в его.

Стальными нитями боли пронзало каждую мышцу, каждое сухожилие; когда я вырывал ледоруб изо льда и вонзал вновь, когда подтягивался, чтобы снова повторить, вырвать – вонзить. Руки от плечей и до кончиков пальцев немели и тряслись.

И тогда я увидел Бога. Суровое лицо сложилось из туч и облаков. Черные волосы, белая борода. И глаза, в которых искрилась молния, и... легкая улыбка.

Я закрыл глаза, встряхнул головой и опять посмотрел в небо. Лицо не исчезло, продолжало испепелять искрометным взглядом.

– Не позволяй, чтобы мне стало вдвое легче! Не сейчас! – прохрипел я.

Вдох – рывок, выдох-вдох – замах, с криком, вырывающимся из легких и раздирающим когтями горло.

Только вместе, только вверх, только вперед.

Я обессиленно рухнул на заснеженную поверхность вершины. Не ощущал ни холода, ни страха, ни рук, ни ног. Все, что было во мне, это нестерпимое желание оказаться дома.

Егор, отдышавшись, подошел к краю, откуда мы вскарабкались сюда. Посмотрел на меня и похлопал по груди, напоминая о письме. Затем распахнул руки в стороны, будто крылья и устремил взгляд в небо.

Я расстегнул куртку и достал письмо.

«Тебе понравилось путешествие? Знаю, что понравилось, как и мне. Ты хотел бы жить так, свободно? Я хотел бы: бывать где хочу, делать что могу. Ходить куда душе угодно. Скажи – было бы круто. А Бог жесток. Он не простил мать, а наказал ее еще больше нашим рождением. Мы с тобой ее испытание, а жизнь – наше. Я люблю тебя, брат! Увидимся!».

***

Эхо шагов разносилось по коридору научного медицинского центра. В большом зале царил полумрак, большой диван с креслами по краям стоял вдоль стены. В углу наряженная разноцветными шарами, снежинками и мишурой новогодняя елка. За окном, кружась в вальсе, крупными хлопьями падал снег. Анна Аркадьевна и Олег Викторович, родители Егора и Артема, сидели в обнимку на диване. Анна плакала, Олег держался, но был на грани. Петр, брат Олега, сидел на кресле упершись подбородком в большие пальцы рук. Локти натерли колени, но это мелочи жизни. Полина рядом

с Петром, своим отцом, ежеминутно вытирала слезы. Ее карие с покрасневшими белками глаза – тусклый свет дотлевающей свечи.

На стене напротив висел большой экран, на котором родственники наблюдали за путешествием братьев. Артем дочитал записку и посмотрел в сторону Егора. Но того уже не было на вершине. Повисла тишина, которую нарушало лишь тихое постукивание сердца и спокойное дыхание. Экран погас.

В зале повисла тревога. Анна, не сдерживая себя, заплакала навзрыд. Полина закрыла лицо ладонями, ее плечи затряслись. Она громко всхлипывала. Мужчины играли скулами, смахивали слезы ладонями.

Потухший экран обозначал, что операция по разделению сиамских близнецов завершилась. Но как? Знали только люди из операционной.

Во время операции над Егором и Артемом использовали уже привычную виртуальную реальность, когда оперируемые могли видеть сны, где они существуют отдельно друг от друга. В случае успешного разделения близнецы испытывают меньший стресс.

Через несколько минут дверь в зал открылась и вошли несколько человек в белых и голубых халатах, в деловых костюмах. Делегация ученых и врачей центра. Все те, кто сейчас знал – живы братья или нет.

Немногим меньше года прошло с того момента, когда два-

дцатилетняя Полина стояла на верхней ступени пьедестала международного конкурса артистов балета. Больше трехсот участников из разных уголков мира собрались в одном месте, чтобы победить.

– На что потратите гонорар победителя? – спросил Полину организатор конкурса сразу после оглашения результатов и церемонии награждения.

– Пока не знаю... – солгала Полина, пожимая плечами.

А на следующий день ее родители и Анна Аркадьевна вместе с Олегом Викторовичем говорили в один голос:

– Ты не должна это делать, тебя никто не осудит. Но, если операция пройдет неуспешно...

– Неважно... – перебила она и улыбнулась, глубоко вздохнула и продолжила, – только у меня одна просьба. Если все закончится хорошо, никогда не говорите им откуда деньги. Я не хочу, чтобы они всю жизнь благодарили меня или считали себя моими должниками.

В боксе под номером три на койке слева лежал Егор, справа Артем. Братья впервые находились так далеко друг от друга.